

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

2011.04.001. GERMANOVA N.N. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ И АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ. – М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 224 с.

Литературный язык относится к важнейшим культурным национальным ценностям, однако как объект лингвистического исследования был осмыслен относительно недавно. Разработка теории литературного языка в отечественной лингвистике и Пражском лингвистическом кружке привела к оформлению таких актуальных для современной лингвистики концепций, как языковая и литературная норма, донациональный и национальный литературный языки, кодификация языка, функциональное варьирование языка. В исторических исследованиях произошло разделение истории языка и истории литературного языка на две параллельные дисциплины.

В монографии Н.Н. Германовой проводится сопоставление понятий «литературный язык» и «стандартный язык». Как утверждает автор, разница в терминологии отражает специфику концептуализации феномена литературного языка в отечественном и англоязычном языкознании. Так, в современной британской социолингвистике стандартный язык понимается как язык, выполняющий преимущественно инструментальную функцию и имеющий не культурно-эстетическую, но коммуникативно-прагматическую направленность. Напротив, в отечественной традиции сформировалось культурно-ценностное понимание литературного языка, при котором он рассматривается как самоценная часть культуры, в которой в свернутом виде заключены духовные ценности нации. Как полагает автор, это различие в понимании природы литературного языка связано с культурно-историческим контекстом той эпохи, на

которую пришлось формирование русского и английского национальных литературных языков.

Монография состоит из предисловия, двух глав и заключения.

Первая глава «Теория литературного языка в отечественном языкознании» рассматривает развитие теории литературного языка в работах отечественных лингвистов и близкие к ним позиции представителей Пражского лингвистического кружка. Глава состоит из 4 разделов.

В первом разделе («Природа литературного языка: Теория литературного языка в отечественной лингвистической традиции») автор показывает, что методологической основой теории литературного языка является функционально-исторический подход. В главе дается обзор эволюции определений литературного языка в отечественной лингвистике. Особое внимание уделено краеугольному для теории литературного языка понятию нормы. Автор останавливается на дискуссии вокруг целесообразности применения этого понятия к литературному языку (особенно на ранних исторических этапах его развития). Отмечая двойственное понимание природы языковой нормы (норма как нечто обычное, статистически преобладающее и норма как идеальный образец), Н.Н. Германова утверждает, что в современной лингвистике существуют по крайней мере два способа концептуализации литературного языка: литературный язык как узус определенных слоев населения и литературный язык как идеальная модель, отличающаяся от реальной общественно-речевой практики.

Далее в разделах «Литературный язык в кругу других форм существования языка в различные исторические эпохи» и «Варьирование внутри литературного языка» автор рассматривает такие центральные для отечественной теории литературного языка проблемы, как соотношение литературного языка с другими формами существования языка в различные исторические эпохи, специфика донациональных и национальных литературных языков и варьирование внутри литературного языка (теория функциональных стилей, место разговорной речи в составе литературного языка, соотношение литературного языка и художественной литературы).

В четвертом разделе первой главы («Исследование литературного языка за пределами русистики») показано, что расширение материала исследования позволило отечественным лингвистам

перейти от описания истории и функционирования конкретных литературных языков к созданию общих культурно-исторических типологических классификаций литературных языков и нормализационных процессов. Отдельно рассматривается теория общей филологии Ю.В. Рождественского, в которой формирование словесности и литературных языков предстает как процесс, имеющий универсальный для всех национальных культур мира характер. Его вехами является формирование новых фактур речи (устной, письменной, печатной и фактуры массовой коммуникации).

Во второй главе («Теория стандартного языка в англоязычной социолингвистике») рассматриваются особенности концептуализации стандартного языка в британской и американской социолингвистике. В первом разделе («Природа стандартного языка: Определения стандартного английского в англоязычной лингвистической традиции») рассматриваются различия между понятиями «стандартный язык» и «литературный язык». Подробно анализируются взгляды на природу стандартного языка Д. Кристала, П. Традгилла, Дж. Милроя и Л. Милрой, Т. Кроули, Д. Кэмерон, Т.Т. МакАртура и других социолингвистов.

Показано, что понятие «стандартный язык» оказывается уже понятия литературный язык. Так, термин «стандартный язык» не употребляется по отношению к языку художественной литературы: теория стандартных языков делает акцент на некреативных утилитарных достоинствах языка. В силу этого она ориентирована прежде всего на виды нехудожественной прозы – деловую, техническую, политическую, научную прозу. Истоки стандартного английского также обычно ищут не в текстах художественной литературы, а в языке королевской канцелярии (Chancery English). Как отмечено в монографии, дискуссионным является и включение в стандартный английский разговорной речи, в том числе и по причине неопределенного статуса современной орфоэпической нормы Великобритании (Received pronunciation).

Понятие «стандартный язык» имеет ограничения и во временном плане: в то время как термин «литературный язык» используется применительно к обработанным языковым идиомам любой исторической эпохи (ср. понятия донационального и национального литературного языка), о стандартных европейских языках обычно говорят только применительно к эпохе Нового времени.

Существенным отличием трактовки стандартного языка является положение о его социальной маркированности. Стандартный язык понимается рядом социолингвистов как диалект социальных верхов, насильно навязываемый социальной элитой широким народным массам. Другая трактовка стандартного английского, в которой он выступает как язык-посредник, также придает ему своеобразные черты, контрастирующие с пониманием литературного языка. При таком подходе стандартный язык превращается в своего рода *lingua franca* – язык, ни для кого не являющийся родным. Такой язык может с успехом выполнять коммуникативную функцию, облегчая контакт между носителями разных диалектов, но теряет возможность быть средством выражения групповой и индивидуальной идентичности говорящих: для этого, как полагает ряд авторов, более пригодны другие, более «интимные» региональные и социальные разновидности языка. Как отмечает автор, эти положения близки взглядам социальных конструктивистов, рассматривающих формирование языка как результат социального конструирования.

Неоднозначная оценка стандартного языка предопределяет негативную интерпретацию процесса кодификации, в котором часто усматривают стремление элиты закрепить свой особый статус в вопросах языкового употребления. Само слово «прескриптивизм» приобретает в таком контексте отчетливые негативные коннотации. Помимо социального снобизма авторов нормативных сочинений обвиняют в непонимании природы языковой эволюции и стремлении остановить развитие языка, в обеднении языковых ресурсов за счет ограничения диалектного варьирования, в создании бесцветного языка-посредника, который не может быть адекватным средством самовыражения для широких слоев населения.

Как видно, аксиологический компонент понятий «литературный язык» и «стандартный язык» принципиально различен. В англоязычной социолингвистике всемерно подчеркивается, что «стандартный английский» – это лишь один из вариантов английского языка, приемлемый в одном контексте и неуместный в другом. Именно эти представления легли в основание лингводидактической доктрины британской системы образования второй половины XX в. Эти положения подробно раскрываются во втором разделе второй

главы («Дискуссия о месте стандартного английского среди других форм существования языка»).

В третьем разделе («Массовая языковая культура: Лингвистический авторитаризм в современном англоязычном мире») автор демонстрирует, насколько по-разному видят проблемы языковой правильности рядовые носители английского языка и англоязычные социолингвисты. Эгалитарный дескриптивный подход к языку, характерный для позиции социолингвистов, не разделяется большинством рядовых носителей английского языка и частью пуристически настроенных лингвистов. Пуристические настроения столь сильны, что ученые заговорили о волне «нового прескриптивизма». Лингвисты, однако, склонны объяснять пуристические настроения недостаточной лингвистической подготовкой рядовых носителей языка и обрушиваются с критикой на так называемую «идеологию стандартного английского», которая, по их мнению, игнорирует вариативный характер языка. Вместе с тем, как отмечает автор, ряд современных социолингвистов (Л. Милрой, Дж. Милрой, Д. Камерон, Дж. Томас и др.) пришли к признанию лингвистического авторитаризма объектом изучения социолингвистики.

В четвертом разделе второй главы («Стандартные языки в работах по языковому планированию») анализируется обширный корпус работ по проблемам языкового планирования и языковой политики. Ключевыми понятиями этого направления являются планирование корпуса и планирование статуса, стандартизация, кодификация, языковая политика. Автор демонстрирует глубокие содержательные и идеологические изменения, произошедшие за последние десятилетия в этой сфере социолингвистики. В ранних работах по языковому планированию выработка языковой нормы представляла как рациональная деятельность по совершенствованию общественно-речевой практики и оценивалась позитивным образом (ср. работы Э. Хаугена, Дж. Фишмана, Ч. Фергюсона, В. Таули и др.). Начиная с 80-х годов, однако, происходит сближение проблематики языкового планирования и языковой политики: выбор государственного языка, выработка языковых норм и их распространение трактуются через призму проблемы «язык и власть». При этом выбор и укрепление позиций государственного языка все чаще рассматриваются как подавление языкового разнообразия, нарушение лингвистических прав человека, усиление неравенства и дискри-

минации (Т. Скотнабб-Кангас, Р. Филлипсон, Г. Уильямс, Дж. Толлефсон и др.).

В заключении подводятся итоги исследования. Автор приходит к выводу, что истоки различий в понимании стандартного и литературного языков кроются в культурных особенностях тех исторических эпох, на которые пришлось начало формирования национального литературного языка. Литературные языки, уходящие своими корнями в эпоху Просвещения, в том числе и английский, обнаруживают инструментальное (коммуникативно-прагматическое) понимание языка. В англоязычной традиции инструментальные представления о языке восходят к лингвофилософской традиции эпохи Просвещения, акцентировавшей коммуникативную сущность языка. В XX в. инструментальное видение языка получило в англоязычной социолингвистике поддержку в работах по языковому планированию, нацеленных на выработку у языков таких качеств, как эффективность, экономность и рациональность.

В отличие от этого, более молодые национальные литературные языки, такие как русский, складывающиеся в эпоху романтизма, демонстрируют культурно-ценностную ориентацию. В эпоху романтизма распространение получают идеи немецких философов и языковедов об «организменной» природе языка и о языке как о выразителе духа народа. Новый образ языка делает акцент на его аккумулятивной функции: язык понимается как важнейшая часть культуры, хранилище национального самосознания, традиций и знаний об окружающем мире. Соответственно в языке ценятся выразительность и образность, своего рода «живописность», способность быть основой литературно-художественного творчества. В отечественной традиции этот взгляд на язык нашел наиболее полное воплощение в научном творчестве А.А. Потебни.

Как полагает автор, противопоставление инструментального и культурно-ценностного подходов к языку имеет важное культурологическое значение. Оно соответствует таким базовым оппозициям европейской культуры, как философия и поэзия, риторика и поэтика, разум и воображение, понятие и образ, и соотносится с этапами культурной истории Европы.

В.А. Пищальникова